

КОМА

Рассказ

Бой с тенью в спорте – примитивное упражнение, в психологии – неудачный пример, в жизни – нескончаемый раунд с самим собой. Утопать в рассказах о конфликтах с внутренним миром означает не что иное, как

загонять себя в угол. И как бы ни старался каждый «утопающий» отыскать спасательную шлюпку, переполненную душевной гармонией, в конечном итоге все эти мытарства приводят в тупик. На выходе получаешь картину, где главный персонаж ты сам. Ты, оставленный один на один со своей душевной болью и панической боязнью одиночества. Ты, переживающий заново все свои страхи, казалось бы, раз и навсегда тобой побеждённые. Твоя жизнь, которая, оказывается, стоит меньше, чем пачка сигарет «Richmond». Твой нерожденный ребёнок, пропавший без вести отец (географическое местоположение последнего давно тобой идентифицировано где-то на севере области). Воспоминания, юношеские комплексы, физические боли от ранее полученных травм, давным-давно забытые обиды, несбывшиеся мечты, нереализованные цели; та девчонка из универа, которая так и не попала в сети, несмотря на пятимесячные конфетно-букетные подкаты...

Твой внутренний мир, как правильно выразился когда-то Пелевин, не нужен абсолютно никому!

Весь этот набор загонов, да-да, именно, загонов, не даёт уснуть по ночам: а днём, утопая в бумагах, отчётах по продажам и прочей рутине, ты боишься вечера. Ты не ждёшь его, оттягиваешь это время, погружаясь в «Инстаграмм», где в основном преобладают картинки, содержащие женственность, грацию и пробуждающие естественные мужские потребности. И самое страшное – главную причину душевной агонии не представляется возможным осознать. Вместо того, чтобы загуглить координаты ближайшего психолога, ты ищешь, чем или кем (хотя это маловероятно, если речь не идёт о любви за деньги) заполнить ночную убивающую своей тишиной пустоту. И в тот самый момент, когда выбор падает на органическую смесь, тебя догоняет осознание психологической западни, ямы, из которой самому не выкарабкаться.

Сегодня из капкана заблуждений на какое-то время тебя вызволяет линейный руководитель. Кстати, сейчас не модно говорить «босс», «шеф», «патрон» или «комбат», так же как отдел кадров любой уважающей себя организации давно заменил страшное для всех слово «увольнение» гордой и хорошо звучащей «оптимизацией».

И ты сидишь спиной к большому панорамному окну, открывающему вид на осенний серый город и холодную Ангару, ворочаешься в кресле из коричневого кожзама, смотришь снизу вверх на Валентина Степановича (не повезло твоему руководителю с именем), молча внимая его речам.

Заветное желание – отыскать кнопку перемотки, чтобы не слушать, как Валя, постоянно приглаживая рукой остатки русских волос на голове и поправляя очки из восьмидесятых, долго и фальшиво стонет про то, как много ты сделал на благо компании и развития банковской отрасли в целом. После неожиданно прозвучавшего слова «оптимизация» дальнейший разговор становится тебе неинтересен, и тем же вечером, получив полный расчёт,

ты вываливаешься из своего порядком подзадолбавшего тебя за все эти годы офиса в вечерний Иркутск.

Хотелось вскочить на стол, подражая герою Козловского из фильма «Духлесс», и, образно говоря, послать всех коллег вместе с Валею туда, где жизнь берет свое начало. На деле уходишь скучно, по-английски.

Столица области встречает тебя слякотью и холодным, пронизывающим каждую клетку твоего помятого тела воздухом. «Последняя» сигарета, казавшееся в данную секунду панацеей, положение не улучшает, а, скорее, наоборот, добавляет ощущение сухости в горле и осознание того, что ты debil, снова и снова попадающий в никотиновую ловушку. Совет курильщикам простой: пластыри и жвачки – хорошая идея для бизнеса, не более.

Дом

Ты отвык просыпаться по утрам рано. Изнурительные скитания из комнаты в комнату заканчиваются мигренью и поздним пробуждением, как правило, не раньше одиннадцати.

На всех существующих сайтах по поиску работы мелькает твоя фотка, которую украшают лёгкая небритость и темно-серый пиджак. Но, даже приложив к своему портфолио приличный послужной список, ты вынужден признать: работодатели не очень-то торопятся выстраиваться за тобой в очередь. Катастрофически сложно понять, что напрягает больше: молчаливый телефон или заканчивающаяся послезавтра (если тебя опять не понесёт во все тяжкие) заначка. Просить у мамы, как выразился бы друг Серега, «зашкварно». Напиваться на материнскую пенсию способны только маргиналы. И как бы ты себя в трезвом состоянии ни ругал, таковым себя точно не считаешь. По крайней мере, пока не считаешь...

Избегая момента, когда непрекращающаяся депрессия уступит место голоду, начинаешь штудировать контакты в телефоне. Через полчаса выясняется, что у тебя нет друзей, и, будь уверен, нормального человека это бы явно расстроило, а тебя почему-то забавляет... Возможно, лишь потому, что есть все же один друг.

Доказательством служит смс с номера 900: «Сергей Олегович Б. перевёл вам пять тысяч рублей».

Дабы не нарушать устоявшихся традиций, вечером накидываешься дешёвеньким виски из «Бристоль».

Психолог

– Пожалуйста, расскажите о каком-то своем поступке или действии, за которое вам больше всего стыдно перед ней.

– Вы знаете, сложно что-то выделить, – неумело врешь ты, – трудный вопрос, ну, наверное, овцой накрашенной назвал...

– Ну, нет, так мы с вами никуда не продвинемся, рассуждения о том

любите вы ее или нет, допустим, мы из уважения к вашим чувствам, пропустили. Простой вопрос: употребляете ли вы наркотики, только в силу того, что вы видите меня впервые, я тоже согласна оставить без ответа. Но то, за что вам стыдно, потрудитесь вспомнить и озвучить.

Начинаешь сожалеть о том, что пришел? Логично, но неразумно...

Ерзаешь на стуле, чешешь затылок, смотришь в окно; на самом деле ты знаешь ответ. Ты знал его с самого начала, с того самого момента, когда она застучала тебя одного в спальне... Тебе до сих пор стыдно за это; собираешься с мыслями и начинаешь рассказывать. Запинаешься, вытягиваешь по слогам слова, и получается скорее мычание, чем связная речь. Хотя, казалось бы, чего стесняться? Нельзя оценивать своего психолога по гендерному признаку и сделать это вроде бы несложно, учитывая вашу разницу в возрасте. Но на деле все иначе. Холодный пот проступает по всему телу и вызывает ощущение еще большей скованности и неуверенности. Ловишь себя на мысли, что становится только хуже, и единственное желание – сбежать, как в детстве, и спрятаться в плательный коричневый шкаф...

– Это уже что-то, – говорит психолог Светлана, – постарайтесь вспомнить к следующей нашей встрече самую сильную детскую фобию и прорепетируйте рассказ, чтобы мы не разбирали каждое слово. Разгадка всех ваших неудач кроется в вас, и никто кроме вас не сможет ее разгадать. И не замыкайтесь в себе, хотите что-нибудь разбить – разбейте!

– Как разбейте?

Светлана хватает прозрачную кофейную кружку и четким движением направляет ее в желтую стену, где рядом с картиной пейзажа беспокойного бурлящего моря моментально появляется коричневая клякса, а кружка разлетается на мелкие стекляшки.

Тебе становится легче, словно это ты разбил кружку. Хватаешь ключи от машины, включенный на авиарежим мобильник и быстро раскланиваешься, с добавлением фразы: до следующей недели. И тебе неловко, что, заплатив перед этим пару тысяч рублей, ты рассказал совершенно незнакомому человеку о самоудовлетворении перед женой, случайно появившейся на пороге спальни комнаты. И как вам обоим потом было стыдно, и ты не мог смотреть жене в глаза, избегал ее, а она стеснительно и сдержанно улыбалась, не произнося ни слова. Ты хотел поговорить об этом, но не хватило смелости. Вы оба сделали вид, что забыли...

Теперь тебе стыдно не только перед бывшей женой, но и перед психологом. Зачем-то даешь себе слово, что не позвонишь больше Светлане, что не заплатишь ей ни рубля, но тем же вечером хрустальная ваза разбивается о стену твоей квартиры, и ты спокойно засыпаешь с одной только мыслью: «работает».

Зачем?

В одиночестве существует масса плюсов и преимуществ. Не нужно поднимать с пола носки, выносить мусор каждый день, оказывается, не обязательно, а питание фастфудом вызывает какую-то невинную детскую радость. Не панацея каждый раз стряхивать со стола хлебные крошки, а трехдневная пыль на полу может и еще пару деньков потерпеть. Ты уже и не помнишь, как пахнут домашние котлеты и свеженький наваристый борщ. Душевная пустота очень быстро заполняется случайными знакомыми и многообещающими флирт-переписками в соцсетях. Шлешь подальше каждую, кто хотя бы пытается изобразить намек на серьезные отношения, тебе хорошо одному в твоём слепленном из одиночества мире.

Часто берешь в руки пыльную красную корочку, в которой написано «КМС по боксу», пробуждая на какое-то время свое задремавшее после увольнения и развода ЭГО. Спортивные регалии прошлого — сейчас единственная отдушина для тебя. В спортзал принципиально не заглядываешь, лень опять победила!

С недавних пор ты работаешь грузчиком на овощебазе, где всем заправляет большой, толстый и всегда потный азербайджанец Рустам. Ты бы с удовольствием отправил его в нокаут за унижительные крики в твой адрес, обидные сравнения с животным миром и постоянные штрафы за курение. Ах да, и за подколы а-ля «грузчик на «Скайлайне», «разнорабочий на «Ниссане», «принеси-подай на автомобиле».

Фразы вроде «сожалеем, вы нам не подходите»; «простите, но у нас нет вакансий»; и самая обидная «мы вам перезвоним» заставляют тебя, стиснув зубы, таскать мешки с полугнилой картошкой, выращенной где-то на западе. Лживая учтивость каждый день разъедает твой мозг.

Приходя домой, ты заваливаешься на мягкий тканевый диван и повышаешь количество просмотров на ютуб старым лирическим песням, блогерам-беспредельщикам и, куда же без этого, советскому кино. Когда становится совсем паршиво, ты разбиваешь какой-нибудь хрупкий предмет о стену, на которой преобладающим множеством отчеканены вмятины от ранее произведенных бросков.

В твоём доме практически не осталось стеклянной посуды. Ты перебил все чашки и стал пользоваться пластиковыми стаканами. Далее закончились тарелки, фарфоровые блюда, граненые стаканы, рюмки и после того, как разбилась о ту же стену последняя хрустальная ваза, ты понял: релаксировать больше нечем. Через несколько дней, сгорая от ломки к новой зависимости, вдребезги расколотил люстру, которую двумя годами ранее сам же и собирал. Как странно устроены люди: мы разрушаем в первую очередь то, что сами годами, а иногда и веками строили, мы легко уступаем свое здоровье дешевому кайфу, невзирая на возможные последствия, и весь этот

псевдо-ЗОЖ, которым сейчас каждый третий усиленно занят, является при творством, фикцией.

Ты скитаешься по ночным улицам Иркутска, смотришь в проносящи- ся мимо иномарки, откуда выглядывают измученные нерусские таксисты, пьяные мерзкие клерки, размалеванные дамочки, идущие в базовой комплек- тации с богатыми неродными им папиками. Через одного все курят вейпы, айкосы, лоджики и кальяны.

Зимними длинными, даже порой нескончаемыми вечерами ты смо- тришь на снег часами. Ты не замечаешь времени и засыпаешь только под утро.

Сайты по поиску работы словно все сговорились и поставили тебя в ЧС. Спрашивается, зачем нужно было пять лет учиться на юриста, чтобы потом с утра до вечера транспортировать овощи на бакалее? Зачем нужно было проходить путь от рядового банковского терпилы до руководителя де- партамента, чтобы спустя пять лет нежданно-негаданно уволиться по согла- шению сторон? Статусы, связи, годовые бонусы, бесплатные путёвки – все это словно кануло в пропасть с тех пор, как тебя отправили в расход. Стои- ло ли изображать корпоративную шавку на всех брифингах, презентациях и официальных сабантуях?

Напрашивается вывод: от тебя не зависит ровным счётом ничего, так же как лететь в самолете на высоте десять тысяч метров со скоростью девятьсот километров в час. Ты в руках электроники. И даже если ты пи- лот, то вынужден действовать по определенному скрипту, словно ты опера- тор кол-центра, каждый день достающий незнакомых людей финансовыми предложениями. На этом незамысловатом постулате зиждется твоё никчем- ное существование, а все цели, ранее поставленные, потеряли всякий смысл.

Следующим под удар попадает зеркало в ванной комнате: ты бьешь со всей силы кулаком в своё отражение, и оно тут же размножается у тебя на глазах на тысячи мелких кусочков, разлетающихся сию секунду по блед- но розовому кафелю. В тусклом свете диодных бликов твоя кровь капает на пол, на раковину, задевает серую шторку ванной комнаты. Ты обматываешь раненую руку полотенцем и с чувством полной удовлетворенности провали- ваешься в сон.

«Harat's»

Сегодня в «Harat's» много разномастного народа, к числу которых в гордом одиночестве присоединился и ты. Замечаешь какие-то не то пьяные, не то обкуренные лица, которые вполне бы могли рекламировать услуги бар- бершопа. Не обходится тут и без полуголых дамочек, искоса сканирующих каждого в баре. Пару накаченных татуированных быков, быстро уничтожа- ющих виски по акции. Кажется, что помещение пропитано запахом нефиль- трованного и пережаренных гренок с колбасками. Но есть в этом что-то род-

ное для тебя, вызывающее двоякое ощущение «своей тарелки». Место, где когнитивный диссонанс поставлен на паузу, чтобы ты ни употреблял, даже кофе.

Вдруг кто-то аккуратно хлопает тебя по плечу, нехотя разворачиваешься и видишь перед собой лысеющего гнома, через пару секунд идентифицируешь в нем Валу, Валентина Степановича, палача, отправившего тебя восвояси полгода назад.

Выглядит он куда хуже, чем в вашу последнюю встречу. Хорошо заметные красные капилляры в уголках глаз свидетельствуют либо о хроническом недосыпе, либо о злоупотреблении алкоголем, передозировке успокоительного, но что самое вероятное – всего сразу. Он бесцеремонно подсаживается на свободный барный стул и начинает, дыша перегаром и запахом ржаных гренок, трепаться о политике. Ничего не меняется, думаешь ты.

– Я пятнадцать лет отработал на благо компании. Я выступал на брифингах в Москве, Берлине, в Париже. Я написал кучу разных алгоритмов, каждый департамент развивался у меня на глазах. Все смотрели мне в рот, когда я получал годовые бонусы. Я жил этой работой, понимаешь? Да ничегошеньки ты не понимаешь...Куда тебе до меня: вечно кайфующий аппендикс, вот ты кто!

Молчишь.

– Ты упустил все сам: и жену и работу, ты ж ни за что особо и не держался. И обижаешься теперь, что я тебя выкинул? — залпом опрокидывает в себя стопку водки, морщится пару секунд и с немного подбешивающей гримасой жует лимон, — а меня за что «оптимизировали»? Что я им сделал? Изменили структуру, где меня просто нет, понимаешь? Предложили, для приличия, супервайзером, а для меня это унижительно, слышишь? Я не для того в грязи валялся, чтобы туда же и опуститься. Но я им устрою... У меня такой компромат на них есть, ты даже не поверишь. Стоит только отправить это все в прокуратуру, и все банковские транзакции заморозят. Вот тогда, будь уверен, полетят головы.

Смеется на весь зал с чувством самоутвержденности и возбуждения. Просит у бармена еще водки, потом косится на тебя и добавляет: еще одну. Пить ты не очень-то хочешь, но, чтобы не спорить, опрокидываешь огненную жидкость в себя. Размышляешь, как бы побыстрее испариться. Затем Валя делает серьезный вид, указательным пальцем привлекает к себе внимание и пристально сверлит тебя зелеными глазами.

– Слушай, сынок, – ты не заметил, как унижения в твою сторону сменились лестью, – у меня для тебя есть поручение, я всегда в тебя верил, только ты способен это проверить. Нужно найти Кирилова и попросить его об услуге, если он даст нам доступ в систему, мы еще и денегат поднимем. Мы их с тобой всех согнем. Вы ж с этим Кириловым кентовались, а меня он не

особенно-то переваривает, ну он не говорил, но я догадываюсь... Ну и еще я это, его девушку после корпоратива покатал на своем «Porsche», денегат подкинул, ну она и обмякла... Но не суть...Давай еще с тобой бахнем, брат.

После нескольких выпитых залпом под лимончик рюмок Валя начинает рыдать и сквозь слезы выдавливает из себя фразу, что он в полной жопе, поскольку, благодаря последней своей афере, остался без денег и репутации. И ты смотришь, как твой бывший босс разлагается перед тобой и не испытываешь ни жалости, ни отвращения; он всего лишь напоминает тебя. Да-да, тебя, изо дня в день жалеющего свою жизнь и ругающего несправедливую судьбу!

В твоей памяти Валя навсегда остается сидящим у барной стойки с кислым лимоном во рту. Ты хлопаешь его по плечу и покидаешь «Narat's»), предварительно купив бутылку пива в дорогу.

В темени заснеженных улиц и свете фар автомобилей ты плетешься в сторону дома, размышляя о своей жизни, о том, что сказал тебе Валя. В одном этот псих оказался прав: ты сам все потерял. И жена ушла только потому, что ты стал невыносим. Каждый день давил ее своим неугасающим, пропитанным синтетикой эгоизмом, плевать хотел на ее жизнь и ее родных. Ты гнобил жену не потому, что не любил, а потому что тебе стало с ней скучно. Тот идеальный мир, стремившийся к совершенству, разрушен твоими руками. И тот снимок УЗИ, выброшенный тобой в форточку автомобиля, поставил жирную печальную точку и в ваших отношениях, и в еще не начавшейся маленькой жизни. Вы оба не простили друг друга. Ты так переживал, что начал пить, просыхая только на работе. И ты сам обрек себя на увольнение постоянными опозданиями, оплошностями в делах и нескончаемыми больничными. Ты разрушил свой дом и в психологическом, и в физическом плане.

И вот сейчас, стоя с бутылкой в руках на проезжей части, закрываешь глаза. Ждешь удара, который навсегда избавит тебя от боли. И когда-нибудь, в следующей жизни, ты будешь счастлив. Выкинешь из дома всю побитую посуду, наведешь порядок. Ты, конечно, не вернешь жену и работу, но появятся другие отношения, которые наполнят жизнь эмоциями и дадут импульс к покорению новых вершин. А пока ты подберешь с улицы серого кота, мяукающего на обочине дороги и дрожащего от холода, и станешь заботиться о нем, как заботился бы о сыне. А он, в свою очередь будет встречать тебя с работы и тереться под ногами, выпрашивая жидкий корм...Его желтые глаза навсегда прогонят скуку...Внезапно вспышка яркого света и... пустота...

Ты просыпаешься в своей квартире от того, что кто-то шершавым и мокрым язычком лижет твою щеку. Его зовут Гоша, и он хочет кушать, покорми его, оболтус, и собирайся на работу, тебя ждет новый интересный день.

ВОЗВРАЩАЙСЯ ВЧЕРА

Рассказ

Это было давно, хотя на самом деле практически вчера. Но обозначать временные рамки в данном случае не имеют никакого смысла, поскольку у любой трагедии нет и не может быть прошедшего времени. Поэтому всё начинается здесь, в центре города, где неподалёку от недавно отремонтированного торгового комплекса стоит двухэтажный «Шанхай Сити», в котором за сравнительно небольшие деньги можно разжиться одеждой и обувью. Китайцы, таджики, турки, казахи – кого тут только не встретишь! Многих наших соотечественников, на каждом шагу демонстрирующих показушную любовь к родине, эта интернациональная торговля наталкивает на мысль: «понаехали». Внутри здания пахнет китайской кухней и новыми вещами, ждущими своих владельцев в открытых ларьках.

– Всё, что можете: шмотки, обувь, постельное бельё, мыло – короче, все подряд и по максимальной скидке, – Глеб обратился к трём таджикам, вышедшим к нему из-за своих прилавков.

Парни смотрели на незнакомца недоверчиво, но они давно чувствовали себя на рынке хозяевами и не растерялись при виде кудрявого здоровяка с большим золотым крестом на каучуковой нитке.

– Вахид, – вальяжно протянул Глебу руку коренастый чернобровый таджик. Его друзья тут же последовали примеру земляка и представились Рустамом и Анзором.

– Значить, говорышь, затопило всё? – засовывая руки в карманы синих джинсов, спросил Вахид, – мэногоумэрла?

– Не знаю, не слежу за новостями. Всё равно там правды не дождёшься. Я видел то ли труп, то ли мешок, привязанный к мосту. Мёртвую овчарку, дрейфующую в реке с толстым таким ошейником. Говорят, хряк какой-то бродил ещё...

Вахид не знал, какие эпитеты используются в русском языке для выражения глубокой скорби и потрясения от услышанного, поэтому заменил все эти формальности известным русским матом, бросил что-то на своём языке Рустаму и Анзору, которые, едва выслушав наставление, скрылись в глубине торговых рядов.

Стояла жуткая жара, спасение от которой Глеб нашёл в своём автомобиле, где работал включенный на полную мощность кондиционер. Парень открыл бутылку, стоявшую в подстаканнике, и принялся жадно пить. Вода стекала по широким скулам и пухлым розовым щекам на красную футболку с надписью «Россия» на груди. Трое суток прошло с момента, как трассу «М-53» снова открыли, а Глеб никак не мог поверить в то, что пережитое им действительно случилось, и воспоминания о мёртвой собаке, постоянно всплывающей перед глазами, не галлюцинация и не плод воображения...

Неожиданно в окно постучали.

– Друк, открывай багажник, – низкорослый длинноволосый Рустам стоял с огромным баулом в руках, в кривой улыбке показывая передние золотые зубы.

Две минуты потребовалось растроганным торговцам на то, чтобы забить арендованный джип Глеба под завязку. Каждому, кто подходил с зелёным мешком к автомобилю, молодой человек жал руку и кланялся в знак уважения. Парень не мог, да и не хотел скрывать своего удивления от происходящего: совершенно незнакомые люди другой национальности и веры бескорыстно и незамедлительно откликнулись на клич о помощи, в то время как на месте происшествия, где Глеб четырьмя днями ранее чуть не расстался с жизнью, до сих пор мародёрствовали свои местные воришки.

Пока чёрный «Теггано» не скрылся за поворотом, торговцы молча смотрели ему вслед, размышляя о своём. Постояв минуты две, покуривая крепкий ароматизированный табак, Вахид поспешил вернуться к работе, в то время как Глеб ехал по улице Ленина мимо стадиона «Труд». Проезжая по Ангарскому мосту, ответил на входящий телефонный звонок. До синей таблички с перечёркнутой надписью «Иркутск» Глеб объяснялся с разгневанной женой на предмет того, что сегодня опять не будет ночевать дома.

– Будь аккуратнее там и возвращайся скорее, – прошептала Катя.

В ее голосе чувствовалась обида. Глеб вытер слезу со щеки и повернул на заправку, где разжился стаканчиком крепкого кофе и накормил джип топливом. Дорога до Тулуна предстояла неблизкая, хотя Глебу не привыкать видеть дорожные указатели, сигнализирующие о расстоянии до нужного пункта и ближайших АЗС. Благодаря семилетнему водительскому опыту, приблизительно через два с половиной часа парень рассчитывал оказаться на месте. Глядя на пунктирную линию, убегающую вдаль к горизонту, иногда сменяющуюся сплошной белой чертой, Глеб погрузился в воспоминания. Даже музыка, специально включенная, как говорят в наших краях, «на все деньги», не помогала отвлечься и забыться. Огромные, светлые бежевые облака уносились вдаль на фоне синеющего небесного простора, под которым по обе стороны асфальтовой дороги зеленела степная раскатистая равнина. Деревянные одноэтажные дома, железнодорожные переезды, придорожные кафешки, реки мелькали перед глазами, навстречу попадались огромные фуры, рейсовые автобусы и легковые машины. Это подтверждало то, что жизнь вернулась в привычное русло, но мысли о проведённой вблизи Тулуна ночи вновь и вновь возвращали Глеба в ту самую секунду, когда он босыми ногами ступил на твёрдую землю...

***

Неизвестно сколько времени прошло с того момента, как Глеба высадили на берег щупленький и ворчливый дед Евдоким, который в глазах пар-

ня навсегда останется мужественным спасателем и заядлым рыболовом. На прощание дед, подмигнув единственным левым зелёным глазом (второй, по рассказу Евдокима, был утерян в Чечне), махнул парню веслом и поплыл вниз по течению тёмной реки. Словно и не было его, этого ангела-спасателя, явившегося в минуту отчаяния и полнейшего отсутствия сил на борьбу со стихией. Глеб хотел отблагодарить деда, но не знал как, поскольку кошелёк, документы, ключи от машины, впрочем, как и сам автомобиль, были унесены течением. Но Евдоким, усмехаясь, заверил парня, что искреннего «спасибо» вполне достаточно.

По непроглядной темени и спавшим вдоль обочины людям было понятно, что уже давным-давно за полночь. Куда податься, неизвестно. Мужик в тельняшке сообщил, что проезд в Иркутск затоплен, и, по всей видимости, рассвет придётся встречать здесь же, у дороги. Но эта неутешительная весть устроила Глеба куда больше, чем утонуть в проклятых проточных водах реки Ия. Люди разделились на группы: кто-то спал, кто-то плакал, кто-то курил, глядя вдаль, в сторону моста, где прикрытые сумраком ночи покоились разбитые вдребезги деревянные дома. Не обошлось и без пьяниц, которым только дай волю под предлогом снятия стресса припасть к бутылке и потерять возможность видеть трупы животных, слышать душераздирающий плач пострадавших людей, дрожать от холода. Непроизвольно постукивая зубами, Глеб решил, что так до утра ему не дотянуть, необходимо было искать тепло. Парень видел, как в лесу, на обочине, вдоль дороги вокруг небольших костров располагались люди. Крики, стоны, плачь, вопли – всё наталкивало на ужасное сравнение: началась война... Война со стихией! Воистину неравный бой...

– Врача, врача...человеку плохо! – в панике кричала женщина в цветастом платье, склонившись над мужчиной, у которого голова была перевязана какой-то тряпкой.

Глеб брёл дальше. Отмороженная в воде рука напоминала о себе пронизывающей адской болью, а озноб и мокрые босые ноги заставляли искать убежище.

– Слышь, дружище, жрать хоч? – пучеглазый и коротко стриженный мужичок, слегка прищурившись, уставился на Глеба.

– Ещё спрашиваешь? Конечно, хочу, а у тебя есть?

– Есть, – мужик сплюнул себе под ноги, – белый хлеб, свежий.

– Божественно, – протянул Глеб, – давай же его скорее!

– Нет, братан, так дела не делаются, гони двести рублей...

– Да ты совсем офигел? Откуда у меня деньги? – Глеб разозлился и приготовился отвесить бритому заслуженную оплеуху, – я из реки вылез только что, чуть не утоп! Ты чего же, сволочь, на чужом горе наживаешься?

– Не горячись, братан, – на лице пучеглазого заиграли желваки, и он, сплюнув в очередной раз под ноги, продолжил, – вон видишь тех ребят спра-

ва у костра? Я только свистну, они тебя махом тут закопают! Понял? Вали отсюда, раз денег нет.

– Да как ты так можешь-то? – оценив ситуацию, Глеб решил, что устраивать драку ему невыгодно – даже при условии, что он, хоть и в далеком прошлом, КМС по боксу среди юниоров.

– Не тебе меня судить. Я всего лишь продаю хлеб, покупаю и продаю. А если я его бесплатно раздам, как я новую партию закуплю? Молчишь? То-то и оно, моя правда. И я не один такой: в магазине, на подъезде к городу, водичка сто рублёв стоит, а хлеб – сто сорок!

Глеб не знал, что ответить, поэтому просто молчал, вызывающе вглядываясь в наглые и упрямые глаза торговца. Желание разорвать на части своего собеседника боролось с инстинктом самосохранения. Секунд через тридцать, оценив обстановку, торговец сдался:

– Ладно, некогда мне тут с тобой разгалго...разлаго...базарить коро-че...

Этот разговор Глеб считал бессмысленным, поэтому продолжал молчать, наблюдая, как пучеглазый упырь (именно так Глеб привык называть подобных проходимцев) привязался к группе подростков, греющих руки у маленького костра. Спустя несколько минут довольный торговец сверкал пятками, направляясь куда-то в лес, на бегу подсчитывая свою прибыль. А тем временем Глеб уже брел дальше вдоль раненых людей, напуганных до ужаса детей и лежавших без сил домашних животных. А река угрожающе завывала и шумела, напоминая о своем присутствии, и не позволяла расслабиться, как бы намекая людям, что в любую секунду наводнение может продолжиться.

Парень увидел старика в костюме защитного цвета, с понуро опущенной, на три четверти лысой головой, и маленькую дворняжку, лежащую в ногах у своего хозяина. Коричневого окраса пёсик периодически легонечко постанывал, но спал беспробудно, даже не обратив внимания на приближение чужака.

– Не помешаю? – тихо поинтересовался Глеб, не привыкший по жизни просить помощи у посторонних людей.

– Конечно, нет, – прохрипел в ответ старик, – давай скорее к костру, вон промок весь, глядишь, так и заболеть недолго. Чай будешь?

Обрадовавшись такому счастью, Глеб воспрянул духом и без всякого стеснения опрокинул внутрь две чашки, закусывая пшеничным, немного подсохшим хлебом. Тепло постепенно просачивалось внутрь, словно медленными струйками дотягивалось до сердца и пусть на самую малость, но успокаивало, наталкивая на мысль, что всё позади. Сухой, размоченный в чае хлеб голод не утолил, и Георгич (так звали старика), словно почувствовав это, начал сбивчиво объяснять, что, спасаясь от потопа, успел прихватить только котелок и совсем немного еды. Старика, как, впрочем, и остальных

ных, вода застала врасплох, не дав времени опомниться. Собачку, которую Георгич представил Шерманом, унесло течением вместе с домом, в то время как напуганного до смерти хозяина подхватили спасатели. Тут следует добавить, что благодаря безграничной любви деда к сыну, увлекающемуся игрой «Ворлд оф Тэнкс», беспородный маленький кобель получил имя модели американского боевого танка времён Второй мировой войны. Иногда, правда, за мелкие пакости и провинности Георгич в наказание переименовывал Шермана в Шельму.

Старик, не надеявшийся увидеть своего питомца и, по совместительству лучшего друга, живым, от нечего делать разгуливал вдоль обломков домов, прибитых к мосту. Вдруг он услышал едва различимый собачий стон и, прислушавшись, понял, что это Шерман.

– Где я его только не искал, – с удовольствием рассказывал старик, почувствовав, что нашёл себе собеседника по душе, – вдоль реки всё облазил, думал, приплывёт. К спасателям из питомника К-9 три раза нукался, спрашивал, не нашли ли. Они за полдня столько живности с затопленных домов посымали! Жуть! Кошки, собаки, петухи, даже свинушку совсем молодую спасли, причём непонятно, как она на крыше оказалась. Хотел было себе прибрать, это ж живое мясо, но потом, слава господи, опомнился: фазенда-то потонула. Старая охнула бы, если бы я это... – засмеялся Георгич, – хряка в дом завёл. Короче говоря, моего чертеныша среди спасенных животных я так и не нашёл. Матом отходил этих волонтеров, шоб не расслаблялись. И чёрт меня дёрнул свою разбитую хибару отыскать... Так и сидел бы там Шельма, хай не я...

– Да-а-а, повезло, – тяжело вздохнул Глеб и уставился на огонь, – а родственники, жена, дети?

Оказалось, что Георгич, в силу любви к алкогольному хмелю, с супругой был во временных контрах, оттого и укрылся на трухлявой фазенде, которую унесла разбушевавшаяся стихия. Потерей своего второго дома старик не очень-то и сокрушался, его больше напрягала мысль о навсегда потерянной заначке, унесенной безжалостной рекой. Как по суше добраться домой, в двухкомнатную квартиру, старик не имел ни малейшего понятия, потому и болтался у костра близь одинокой толстоствольной берёзы.

– Мы тут с тобой, Глебушка, как в мешке.

Парню стало смешно от мысли, с какой скоростью он в глазах Георгича превратился из Глеба в Глебушку. Так и до обидного «сынок» недалеко, однако, поправлять старика почему-то не стал.

– Этот паводок, чёрт его дери, разделил город на две части. Попробуй ишо в такой темени разбери, где пройти. Тулун-то он это... на изгибе этой чёртовой реки стоит. Слышь, паровоз гудит? Железку-то не затопило. Вот так ты завтра и попадёшь домой, нам бы только утра дожждаться...

Дети Георгича давно облюбовали Новосиб и приезжали исключи-

тельно по серьёзным поводам, поэтому дома честного труженика ожидали только разгневанная жена и требующий немедленной починки польский сервант, пострадавший от семейных разборок. На логичный вопрос о том, не переживает ли старик за свою благоверную, хозяйственный семьянин и любящий муж, фыркнув, ответил просто: «Говно не тонет». Тем более, что их пятиэтажный дом, опять же со слов Георгича, стоял на горе.

Сдерживая стягивающий горло смех, Глеб отметил, что его случайный собеседник совсем седой. Невысокого роста, сторбившийся и грубоватый он, однако, был приятен своими ненавязчивыми смешными историями. Огонь стал затухать, и Георгич подкинул в костёр мелких сухих щепок, придавив их сверху поленом. Запахло смолой и гарью, пламя разгоралось всё больше, и сквозь дымовую завесу Глеб с удовольствием смотрел на морщинистое, какое-то скукоженное, лицо собеседника, ожидая очередной забавной истории. Но внезапно Георгич вопросительно уставился на собеседника. Глеб, поняв все без слов, начал рассказывать.

***

В общем, дело было накануне... Мы с приятелями возвращались из Красноярска: в командировку по работе мотались. Ну, знаете, два дня имитации бурной деятельности и один расслабона. Плюс ночь, естественно... В пятницу выдвинулись домой и только в Тулуне осознали, что, не задержись мы на сутки, успели бы проехать. Но, благодаря любви к разгульной жизни, оказались в западне: дорожная пунктирная полоса, вместе с асфальтированной дорогой федеральной трассы, плавно, словно так и задумано, уходила под воду.

Признаюсь, мы горевали недолго: тачку поставили на стоянку, сняли небольшой домик, затарились продуктами и водочкой на два дня и загудели. Резались в карты, играли на внезапно попавшейся под руку гитаре. Я на радостях, уже совсем пьяный, бывшей позвонил, дурак. В общем, весело так было, ещё смеялись, что река сейчас разольётся и унесёт нас прямо в домике в Иркутск... Три идиота! Бывает же такое! Короче, напились, как последние сволочи, угомонились только к рассвету. Потом – пустота... Ничерта не помню. Чувствую, голова страшно болит, словно на ней с вечера прыгали, а глаза не желают открываться. Скорее всего, местный самогон оказался палёным. В состоянии нестояния мне привиделось, что правая рука, словно в снегу, будто я где-то на «борде» катаюсь и в сугроб угодил. Глаза открываю и вижу, что наша комната в воде, и её уровень уже до пустой велюровой тахты доходит! Благо, моя металлическая кровать повыше будет, только свисающая с неё рука и намокла. Товарищи мои исчезли, как будто их никогда и не было. Понятное дело, я подскочил, как по команде «подъем», и ринулся к выходу, вышиб дверь, а вокруг река шумит, обломки сараев и бань проплывают и, главное, поблизости – никого. Выбрался из домика, а вода уже мне по пояс, и

холодная до ужаса, немудрено, что я её со снегом спутал. Мобильник намок в кармане джинсов и отказался включаться.

Понять, где берег, не представлялось возможным, потому что Ия к тому моменту походила на море, холодное и безжалостное. Выражение «некуда бежать», которое я люблю вставлять в различных беседах, идеально подходило к сложившейся ситуации.

– Помогите! Люди?! Спасите! – ору без усталости, срывая голос.

А в ответ только шум этой проклятой реки, напоминающий гул.

Со стороны моста, на котором мы с моими неизвестно куда пропавшими друзьями ещё вчера делали селфи на фоне поднимающегося уровня воды, течение несло старенькие дряхлые домики, собачьи будки (к некоторым были прикованы цепями мёртвые собаки), теплицы, гаражи... Иногда постройки сталкивались друг с другом. Слава богу, я не видел трупов, хотя и догадывался, что где-то там, в пучине, они точно были – слишком много тмени и смрада излучала эта убийственная река. Учитывая, что пловец из меня никакой, попытка выбраться вплавь будет приравнена к самоубийству...

В шоке от увиденного, словно загнанный в ловушку волк, я решил, что правильнее всего будет вернуться в дом. В спешке возвращаясь обратно, наступил ногой на колючую проволоку и тут же увидел, как по течению потекло багровое пятно крови. Ещё несколько минут и меня бы снесло с ног, но я вовремя сообразил ухватиться за гнилой дверной косяк, который едва не треснул. Вваливаясь на одной ноге в дом, я увидел дрейфующие пустые бутылки, окурки, остатки варёной колбасы, остановившийся на отметке в ноль-пять двенадцатого механический будильник и ещё много других предметов, – в общем, всё, кроме моих кроссовок. Было крайне сложно сосредоточиться, да и раскалывающаяся голова не позволяла трезво оценить ситуацию.

По внутренней самодельной лестнице, порвав штанину о торчавший гвоздь, я вылез на треугольную крышу, и чуть было не навернулся с четырёхметровой высоты, поскользнувшись на потрескавшемся красном шифере, лишь наверху смог сесть на корточки, подпирая печную трубу. Получилось слегка отдышаться и успокоиться. За это время вода подобралась к нижнему краю окна – это вселяло уверенность, пусть во временную, но безопасность. Я оторвал кусок своей футболки и обмотал им раненую ногу, вымокший сотовый телефон положил рядом (вдруг просохнет), а сам свернулся калачиком от холода. Пригревшись под палящим июньским солнышком, я не заметил, как задремал. Досадно, но я не слышал ни говорливую реку, ни звук мотора проплывавшей мимо лодки, а когда проснулся от солнечных ожогов, резиновая посуда уже скрывалась вдали, не оставляя мне шанса на спасение. Вода, тем временем, подбиралась к крыше. Внезапно стоявший в трёх метрах маленький домишко буквально начал скользить по реке, скрипя и кренясь на левый бок. За ним ещё и ещё. За сорок минут, в радиусе пятнадца-

ти метров не осталось ни одной постройки. По счастью, разбушевавшемуся течению мой временный ковчег был неподвластен – скорее всего, его фундамент в далёком прошлом воздвигали на совесть.

Когда я уже окончательно сдался, случилось маленькое чудо: включился телефон и позволил позвонить в службу спасения, где мне пообещали, что помощь незамедлительно придёт. Меня это заверение не очень-то и вдохновило, поскольку, учитывая масштабы катастрофы, спасатели могли опоздать. Погруженный в размышления «успеют – не успеют» я заметил проплывающую мимо адресную табличку с надписью «улица Ленина 9», а прямо над ней, высоко в небе чертил белую линию пролетавший мимо пассажирский самолёт. Я смотрел на него и думал, что стихии не подвластен весь мир: граница этого безумия – рядом, но мне до неё не добраться...

В такие минуты воображение часто порождает зловещие видения, и человеку, обречённому на смерть, отроду даже некрещёному, обычно почему-то приходит мысль попросить помощи у Бога. Он вдруг начинает искренне жалеть, что никогда не ходил в церковь, заочно просит прощения у всех верующих, которых до сегодняшнего дня считал блаженными безумцами. Обещает и себе, и тому парню, что смотрит на землю с небес: если выживет, будет помогать людям, а не проматывать ползарплаты в «Харатсе» с профурсетками! Раскаявшийся грешник плачет навзрыд, даже не пытаюсь успокоиться: вокруг всё умерло, и вместе с этим безмолвием сейчас пропадает и он!

– Привет, дорогая, – всхлипывая, я набрал номер жены, – хочу сказать, что я тебя очень люблю!

– Зая, что с тобой? – взволнованно воскликнула Катя. – Ты мне давно в любви не признавался!

– Да так, – стараюсь взять себя в руки, – просто захотелось сказать!

– Точно всё в порядке? Там, слышу, река шумит. Вы где?

– Все нормально, родная. Стою на мосту, смотрю, какой кошмар творится. Мы сняли домик на горе, так что тут безопасно. Кстати, ходят слухи, что завтра трассу откроют – уже совсем скоро увидимся! Ты это ... приготовь мой любимый торт... – я больше не мог говорить спокойным голосом, начал всхлипывать.

– Ты что? Плачешь?...

– Нет, просто связь подводит, извини, дорогая, мне пора, поцелуй наших...

На слове «детешек» телефон безвозвратно разрядился, и я разозлился, что он не дал мне в последний раз услышать голос супруги. Со злости я выбросил смартфон в реку, и он тут же утонул в аспидно-чёрной мути. Начиная смеркаться. Дружелюбное солнышко, будто моргнув на прощание, скрылось за горизонтом, уступив место надвигающейся пустой темноте. А стихия не умолкала ни на минуту – в этом отвратительном, зловещем и страшном шуме не было спасения. Через двадцать минут дальше, чем на полметра уже

ничего невозможно было разглядеть. К этому моменту я, оскальзываясь, взобрался на кирпичную трубу, вспоминая всю свою никчёмную жизнь, и разом предвкушал неизбежную и совершенно нелепую гибель.

– Ну вот и всё, – произнес я наигранно, в стиле еще не встреченного, выдуманного мной Георгича, – отмучился Глебушка!

***

Глядя в небо, где несколько часов назад парил бело-зеленый самолёт, дыша полной грудью, я долго вспоминал тех, кого в жизни обидел и кому не помог, хотя имел такую возможность. Потом, закрыв глаза, подумал, что о моей смерти никто никогда не узнает, и тело не найдут, а действительная цифра погибших в этом водовороте людей будет утаиваться. И все это для того, чтобы через тринадцать лет, а может и раньше, опять вступить в неравную битву со стихией, которую воздвигнутой дамбе окажется вновь не по силам остановить. Картину грядущего наводнения я видел также ясно, как уровень воды, скрывающий мои ноги по щиколотку. Затем я представил отзывчивых таджиков, дорогу в Тулун с вечными пробоинами и ямами, одноглазого Евдокима, плавающего в полумраке реки в поисках потерпевших бедствие, чертеньша Шермана, которого кормит пшеничным хлебом рассеянный Георгич, золотозубого торговца-спекулянта, разбитые деревянные постройки, лодки-амфибии со спасёнными животными. Я почему-то знал наверняка, что все выдуманные мной герои там точно находятся, но всё, что с ними приключится – в моем воображении уже было: было когда-то давно. Хотя на самом деле, практически вчера...

Уходя в вечность, я мысленно вернулся домой, к грустной жене и двум русоволосым дочкам, которым клялся привезти из командировки велосипед. Умирать вовсе не страшно, но как же это всё-таки паршиво, что я их больше не увижу...